

На правах рукописи

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ Герман Михайлович

**ПРОБЛЕМА ЧУВСТВЕННОСТИ В РАБОТАХ РАННЕГО МАРКСА:
ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ И СОЦИАЛЬНО-
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИМПЛИКАЦИИ**

Специальность: 09.00.01 – онтология и теория познания
(философские науки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Тюмень

2019

Работа выполнена в ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»

Научный руководитель: **Чубаров Игорь Михайлович**, доктор философских наук, профессор

Официальные оппоненты: **Майданский Андрей Дмитриевич**
доктор философских наук, профессор
ФГАОУ ВО «Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет»,
профессор кафедры философии и
теологии

Тимофеева Оксана Викторовна
кандидат философских наук, доцент
АНОО ВО «Европейский Университет
в Санкт-Петербурге», доцент
факультета социологии и философии

Ведущая организация: **ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский
политехнический университет Петра
Великого»**

Защита диссертации состоится «22» мая 2019 г. в 12.15 часов на заседании диссертационного совета Д.212.274.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, созданного на базе ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», (625003, Тюмень, ул. Республики, д. 9, ауд. 211).

С диссертацией можно ознакомиться в Информационно-библиотечном центре ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет» и на сайте ТюмГУ: <https://diss.utmn.ru/sovet/diss-sovet-212-274-02/zashchita/679823/>

Автореферат разослан «14» марта 2019 г.

*Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат философских наук, доцент*

А.И. Павловский

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность данного исследования

Современная ситуация в философии не только продолжает сохранять влияние марксистской мысли, но во многом продолжает определяться ею. Марксизм, несмотря на его форсированную политическую ангажированность на протяжении XX в., все еще не исчерпал своих философских ресурсов. Многие авторы, ключевые для современной философии, подчеркивали связь с марксизмом и соотносили свою мысль с работами Маркса. Идеи, затронутые и сформированные марксистским горизонтом, продолжают определять интеллектуальный климат в современной философии, а через работы мыслителей, в разное время самоопределявшихся в этом горизонте¹, Маркс продолжает говорить с нами; его идеи проходят периоды стагнации и воодушевления. Марксизм как горизонт осмысления общества и мира в целом, продолжает формировать интеллектуальный климат в таких дисциплинах как исследование социальных практик и практик субъективации, акторно-сетевая теория, теория ассамбляжей, объектно-ориентированная философия, современные гендерные исследования, так называемые flat ontologies и медиа-теория (включая корпус исследования больших данных - big data), в формах наукоемкого искусства и его социальных рефлексий. В своей работе мы исследуем ключевую для формирования марксистской перспективы – проблему чувственности. Через ее проблематизацию, путем соотнесения с натуралистическими доктринами античности и современным философским полем, происходит обновление марксистской перспективы, четче звучат и получают новое прочтение онтологические смыслы, заложенные в проект социального преобразования еще ранним Марксом и продолжающие сохранять теоретическую актуальность в современном познавательном контексте.

В русском философском языке марксизм получил уникальное звучание: советская философия взяла марксизм себе, практически приватизировала его, развивала идеи Маркса, видоизменяла их, трактовала его философию уже как «учение», переживала перспективы марксизма в поле идеологических и

¹ Достаточно указать на место в этой перспективе работ Бадью, Хомского, Альтюссера, Фуко, Агамбена, Деррида, Делеза, Рансьера, Адорно, Бодрийяра, Вирно, Гройса, Регева.

стилистических ограничений советской цензуры. После дезавуирования этой перспективы сейчас оказывается актуальным вопрос: каким мы возвращаем Маркса в большой теоретический контекст, какой философской перспективой он обогатился в настоящем? Положение марксистской формы мысли в нашей стране определяется двумя существенными обстоятельствами. Первое – многочисленное текстологическое наследие советского периода, включающее в себя как издание и комментарии к сочинениям К. Маркса и Ф. Энгельса, так и огромное количество разнообразной литературы по марксизму и «научному коммунизму», разнородное по составу, функциям и качеству (литература пропагандистского, ознакомительного, исследовательского, образовательного характера и мн. др.). Благодаря деятельности созданного в советское время Института марксизма-ленинизма мы получили «полного Маркса» даже несколько раньше, чем его читатели за рубежом. При этом чтение и усвоение Маркса, и его философии было в подавляющем большинстве случаев принудительным, идеологизированным и неглубоким. Второе – социалистические преобразования общества и сама деятельность по обобществлению не только собственности, но и личности, осуществленная на государственном уровне, коренным образом переплетена с историей нашей страны в 20-м веке; неразрывно связана с менталитетом, общим социальным и культурным контекстом большинства россиян. Оба этих обстоятельства определяют неоднозначный и в то же время насущный интерес к философии К. Маркса в целом и, в частности, к его концепции чувственности, выраженной в ранних работах.

С одной стороны, понятно, что осмысление наследия Маркса сейчас невозможно в пределах тех идеологических схем, в которых оно находилось в советский период; а, с другой стороны – большинство исследований, посвященных этому наследию, принадлежит именно к советской эпохе и соответствующим образом ангажировано. Очевидно, что в нашей стране необходима серьезная ревизия отношения к философии К. Маркса, но, вместе с тем следует констатировать значительное ослабление интереса к марксистской философии и марксистскому контексту в последние годы, в связи с переходом нашего государства на другие идеологические и политические позиции. Поэтому вполне возможно, что философию Маркса сейчас следует рассматривать применительно не

к ее идеологическому, а скорее к ее онтологическому и познавательному значению, тем не менее способствующему пониманию истоков сложившегося менталитета граждан современной России. Теперь уже, очевидно, что мы еще толком не взаимодействовали с философией К. Маркса с дистанции; как-то иначе, нежели в связи с ее насущным идеологическим и политическим смыслом. Именно поэтому в нашей стране даже сейчас не вполне подготовлены условия для объективного и всестороннего изучения философии К. Маркса, что само по себе, и в контексте осмысления проблемы чувственности у раннего Маркса, в частности, образует серьезное герменевтическое затруднение, требующее своего разрешения.

В отечественной научной среде на осмыслении марксистского проекта существенно сказывается разрыв традиции. На рубеже 90-х поменялась общая парадигма исследований и ценностных ориентиров в гуманитарной сфере, совершенно особенным образом это коснулось философии. Сложно представить себе, как бы развивалась отечественная философия, если бы двойной излом (прихода и ухода советского государства в России) мог быть выправлен. Советская философия не была готова к столь радикальному расширению контекста гуманитарных исследований на рубеже 1990-х гг. Обилие новой (как переводной, так и вновь открытой русской) литературы, поток которой стал нарастать уже с конца 80-х, ложилась все на ту же почву советского сознания и менталитета, что порождало искаженные практики усвоения уже сложившихся идей. Это, в свою очередь, являлось серьезной проблемой для молодых исследователей – существенно затруднилось традирование научных школ, формальная и содержательная преемственность интересов. И это вторая сторона герменевтического затруднения, в котором оказалась философия К. Маркса сегодня – представленная со стороны динамики научных школ.

Держа в уме эти обстоятельства, возможно вовсе не стоит сглаживать наметившиеся складки и противоречия. Принцип частичности объяснения (не требовать одного объяснения для всех случаев), и принцип множественности истолкования (один частный случай может участвовать как элемент в разных системах объяснения) позволяют нам не сводить все имеющиеся контексты бытования марксизма в один и не пытаться передвинуть задним числом

структурные основания советского марксизма в поисках его нынешней позитивной судьбы². Но именно поэтому возвращение к мысли раннего Маркса представляется нам существенным основанием для новых продвижений по этому пути. Перевернуть страницу можно и нужно, но не всегда вперед, возможно, стоит вернуться к истоку, и попытаться реализовать тенденции, которые в мысли раннего Маркса только намечались, но не были им до конца реализованы. В силу ли исторических обстоятельств эмиграции, либо в силу концептуального и содержательного сдвига в мышлении самого Маркса в более поздний период жизни. Не проживать заново вновь и вновь сходные в идеологическом плане пути развития марксистской традиции, а намечать новые ветви, несводимые к предыдущим и из них не выводимые. Иметь в своей мысли различные контексты бытования марксизма, но не соподчиняя их одной идеологической ветви, а координируя с ними необходимые рассуждения.

Еще в своих ранних сочинениях К. Маркс, сформулировал задачу реабилитации человека, восстановления всей полноты его чувственности и свободы, – сегодня такая реабилитация необходима уже самому Марксу и его философии. Здесь неоценимую помощь отечественным исследователям может оказать опыт осмысления наследия К. Маркса, накопленный за рубежом, в том числе, опыт т. н. «буржуазных» мыслителей. Западноевропейские мыслители не были в той же мере идеологически ангажированы советским режимом, как исследователи и комментаторы Маркса в нашей стране. При этом философия К. Маркса играла и продолжает играть в этих странах существенную роль, определяя как актуальные направления исследований, так и контекст самого гуманитарного поля. В свете сказанного, следует обратить особенное внимание на современных французских исследователей, чей опыт в осмыслении философии Маркса трудно переоценить. Более того, интерес к Марксу и его философии не ослабевает здесь и в последние годы (см. п.1.1 диссертации).

Вместе с тем, у западного марксизма есть и свои упущения:

² Как пример подобного рода перепрошивки оснований советского марксизма см. Глостанова М. «Существует ли постсоветская мысль? О колониальности знания, внешнем имперском и двойном колониальном различиях», 2015, – <http://gefter.ru/archive/16006> (дата обращения 20.11.2018).

1) В контекст рассмотрения Маркса западными мыслителями, не были включены два неустранимых обстоятельства современной российской гуманитарной ситуации, на которые мы указывали вначале. В опыте, например, француза не даны реалии советского коммунистического эксперимента, к которым он мог бы возвращаться как к горизонту своего мышления о Марксе и которые бы составляли обширный пласт нередуцируемого культурного опыта, в котором он находился и который он в себе несет. И если опыт первых лет советской власти доступен в равной мере и для западных и для российских исследователей (в силу его исторической удаленности); то новейший опыт реформирования российского государства в начале 90-х гг. еще только должен быть уложен в контекст исторического времени. Именно поэтому и западному марксизму необходимо встречное движение российских исследователей, без которого взгляд на Маркса ни в коей мере не может считаться разносторонним и глубоким. История и опыт советского марксизма и пост-советского государства не могут быть попросту отброшены в сторону и сняты с интеллектуальной повестки марксизма. В этой связи возвращение к наследию Маркса должно сохранять российское измерение, но должно продумываться в контексте той ситуации, в которой оказался в наши дни марксизм во всем мире.

2) Столь важные для западных исследователей темы «революционной роли пролетариата», «классовой борьбы», «анализа капиталистической формы производства» не характеризуют в достаточной мере российского контекста, для которого уже с самых первых лет советской власти, профилирующей и смыслообразующей горизонт понимания социальности, антропологических трансформаций и темпоральных аспектов собственного бытия, стала именно идея глубинного и всеохватного преобразования человека и общества. В контексте развития советского государства и общества мы имели радикальный, ни с чем по большому счету не сопоставимый, опыт преобразования всей структуры человеческих отношений, глубокую переконфигурацию самого предметно-деятельностного отношения человек-мир, выраженную в ментальных и перцептивных особенностях развития советского социума и человека.

Особенность актуализации марксизма на новом витке исторической ситуации в России определяется тем, что только сейчас у нас появилась необходимость и возможность отстраненного взгляда на философию К. Маркса, его действительно научное изучение, уже больше не скованное «партийной дисциплиной», на смену которой должна прийти дисциплина научная. В дополнение к этому у нас появился опыт преодоленного, а если угодно, «утраченного коммунизма» – социально-антропологического эксперимента, который мы должны помнить, и к которому (благодаря смене социально-политического контекста, все более и более осознаваемой) мы теперь можем ретроспективно возвращаться как исследователи, как теоретики, как историки. Поставить задачу докопаться до первого смысла этого проекта, каким он виделся Марксу в самом начале его работы – эта задача сейчас как никогда актуальна, именно благодаря этой исторической и ментальной дистанции.

Таким образом, задача осмыслить проект раннего Маркса в онтологическом ключе может быть поставлена нами только сейчас, после смены политической парадигмы, с исторической дистанции, с имеющимся у нас ресурсом исторической памяти. Именно теперь, мы сможем приступить к поискам изначального смысла этого проекта, раскрыть его фундаментальные черты. Только отсюда может быть понято значение философии Маркса и ее роли в эпоху, открывшуюся после завершения коммунистического эксперимента в Советском Союзе и других странах Восточной Европы. Мы много надеялись на марксизм (так же, как и наши коллеги за рубежом), мы были им очарованы (хотя, безусловно в другой мере, чем европейские мыслители 60-х – 80-х годов), мы пытались «строить коммунизм» и ненавидели его спустя годы после смены парадигмы общественного устройства; но мы пока не научились, а может быть только теперь и пытаемся научиться его мыслить.

История философии на протяжении полутора веков показала нам вполне убедительно, что марксизм сформировал особую форму мысли. Мысли, не только ориентированной на практику социальных трансформаций или экономических преобразований, но, что гораздо шире, мысли предполагающей движение в русле определенной проективной установки, устремленной в будущее и нацеленной на

переустройство самого единства человек-мир. В определенные исторические периоды складываются ситуации, когда ослабевает преобразующий пафос марксистской перспективы, явно решающий ту или иную профетическую задачу; но, в силу слишком многомерного и разнопланового существования, марксизм невозможно свести только к динамике этой установки. Речь в онтологическом плане идет, прежде всего, о пересмотре границ человеческого мира, форм взаимоотношения и порядка, в котором существует современный мыслящий индивид. В нашей работе предпринята попытка посмотреть на такого рода ориентацию в мышлении со стороны ее перцептивного зеркала – чувственности.

С целью реализации этой исторически определенной тенденции необходим, на наш взгляд, непредвзятый анализ историко-философской определенности ранних текстов Маркса, с тем, чтобы герменевтически освоить и реконструировать натуралистические источники раннего марксистского проекта. Актуальной задачей для осуществления углубленного и всестороннего продумывания раннего марксистского проекта становится уточненная и обновленная проблематизация чувственности, исходящая из натуралистического источника. Существенной особенностью, определившей горизонт мышления и генезиса раннего марксистского проекта, оказывается интерес Маркса к натуралистическим доктринам античности. Исходя из такого интереса им сформулированы основные постулаты его антропологического идеала и задачи, которые он ставит для социальных преобразований в будущем. Проблема чувственности для своего глубинного неангажированного (как советским, так и постсоветским контекстами) раскрытия, должна быть продумана исходя из несомненной онтологической перспективы, в которую мы способны проникнуть, благодаря анализу самого феномена чувственности, исходя из материалистических источников мировоззрения раннего Маркса. В этом контексте, раскрытие проблемы чувственности – ее онтологического содержания и социально-антропологических импликаций ее решения, предпринятое в этом исследовании, – послужит выявлению почвы для живой актуализации идей и интенций марксистского наследия в наши дни.

Степень научной разработанности проблемы

Принимая во внимание охарактеризованную направленность исследования, становится ясно, что в контексте советского марксизма мы имеем, в прямом смысле, ряд выдающихся работ, ставящих смысл учения Маркса вне его идеологической и политической определенности. Не ангажированные нормативным марксизмом (насколько это было возможно в ту историческую эпоху) отечественные исследователи, дают нам довольно броскую и разнообразную в своих оценках карту перепрочтений смысла работ Маркса, и что еще более ценно, позволяют нам заново вчитаться в Маркса, увидеть за догмой школьного марксизма, букву и дух живой марксистской мысли. Эта группа исследователей позволяет себе смело и порой неоднозначно интерпретировать сам замысел марксистского проекта. В этой связи хочется особенно отметить, хотя и немногочисленные в общем хоре работ тех лет (60-70 гг. XX в.), но внесшие в марксизм серьезные инвестиции: тексты М. Мамардашвили, Э. Ильенкова, М. Лифшица, Л. Митрохина, А. Зиновьева, Г. Батищева и ряда других отечественных исследователей. В силу идеологического противостояния и разделенности послевоенного мира на два лагеря, эти работы существенно дополняют, а во многих случаях и превосходят работы западных исследователей, которые черпали в марксизме вдохновение для своих философских и социально-политических систем. Практически тот же период времени характеризуется небывалым подъемом интереса к текстам Маркса и уникальному явлению марксизма на Западе. Эти школы и направления наследуют широкую европейскую образованность и традиции национальных философских школ, но при этом не отступают и от буквы марксизма, поэтому могут быть признаны успешными и сильными в концептуальном плане. Это работы зарубежных авторов, посвященные осмыслению марксистского проекта, не попавшие под идеологический прессинг советской системы. Прежде всего, во-многом мы делаем ставку на работы Г. Лукача, Р. Арона, Л. Альтюссера, Э. Фромма, М. Фуко, Ж. Рансьера, Д. Агамбена, А. Бадью, Ж. Деррида, Э. Балибара, Ж. Бодрийяра и др. зарубежных исследователей. В этих работах мы видим разноплановое, не зажатое в идеологические рамки, актуальное рассмотрение марксистского проекта. Но с другой стороны, в этих работах взгляд на марксистский проект и философию

Маркса является внешним по отношению к реалиям коммунистического эксперимента в странах соцлагеря, и поиску истока проблематизации чувственности в работах раннего Маркса не уделено здесь достаточное внимание.

Что касается отечественных работ собственно о раннем Марксе (Н. Лапин, Г. Волков, К. Кузнецов, М. Омеляновский и др.), то в них не была сделана попытка связать исток трактовки чувственности с его юношескими работами, реконструировать именно в этой связи его антропологический идеал. Работы раннего Маркса, до перехода его на позиции диалектического и исторического материализма зачастую рассматриваются и оцениваются исследователями как ранние романтические опыты, созданные под влиянием антропологии Фейербаха, и в попытках освободиться от вседвоящего охвата гегелевской Системы. Всё только как «предварительные наброски» будущих теорий, а вовсе не как источник самой системы Маркса и концептуальная основа его замысла, досконально изложенного в «Капитале».

Говоря еще уже, в работах, посвященных анализу взаимосвязи работы К. Маркса с античным натурализмом в целом (Д. Джохадзе, Я. Поварков, М. М. Шахнович и др.), не делается попытка посмотреть на кристаллизацию концепции чувственности, исходя из занятий молодого Маркса эпикурейской физикой и его практической увлеченностью позднеантичными доктринами, напрямую связанными (как это показано в § 1.2. диссертации) с конфигурацией его антропологического идеала; из которых можно достоверно истолковать место и роль чувственности в социально-антропологическом проекте раннего Маркса, где её последовательная трансформация мыслится как «практическое восстановление человека».

Проблема чувственности в марксизме находит у некоторых исследователей онтологическое измерение (А. Богданов, Р. Гароди, Э. Блох, Д. Зильберман, К. Косик, группа «Праксис», В. Подорога, И. Чубаров), но ими не ставится специально задача рассмотреть ее по отношению к идее становления, учитывая натуралистический исток проблематики чувственности, разрабатываемой ранним Марксом. Поле, в котором решается задача восстановления чувственности, и ее активизация, не рассматривается в этих работах как условие опыта сосредоточения на восполнении полноты бытия, а мыслится зачастую линейно, вне своего

натуралистического истолкования (не подвергаясь при этом специальному анализу).

Как нам удастся продемонстрировать в работе, очень важно удерживать тот генетический источник проблематизации чувственности, который запечатлен в юношеских сочинениях раннего Маркса и проходит через всю его доктрину переустройства общества, для того, чтобы понимать внутреннюю логику предлагаемых им общественно-экономических преобразований, осознавать их изначальный и их прикладной смысл. Важно было осмыслить проблему чувственности как в русле сугубо материалистического истолкования ее смысла, так и в онтологическом ключе, исходя из натуралистической подосновы мировоззрения раннего Маркса. Маркс как последовательный материалист, разрабатывает проблему чувственности в горизонте глубокой онтологической перспективы. Исходя из такого раскрытия смысла проблемы чувственности, ясной становится взаимосвязь, как внимания раннего Маркса к анализу форм собственности и трактовке отчуждения, так и проработка им категории эмансипации и творческого труда, применительно к задаче восполнения и активизации чувственности.

Несмотря на обновленные трактовки марксистского проекта в западной литературе (Д. Бенсаид, Л. Альтюссер, Ж. Рансьер, А. Бадью), в поле интереса западных исследователей не попадают тонкие взаимосвязи между источником вдохновения раннего Маркса (антропологический идеал) и фабрикацией идентичности, стоимости, владения исходя из разрывов в чувственности. Соответственно, лишь косвенное внимание уделяется (как например в марксистской эстетике) задаче восстановления органического единства чувств, познавательной характеристике, затертой обладанием. Вместе с тем, однозначные указания именно к такой трактовке взаимосвязи чувственности и собственности мы находим на страницах текстов раннего Маркса, что нами показано во второй главе диссертации. В то же время, важно, что работы некоторых западных авторов дают новые возможности для интерпретации проекта реабилитации чувственности как поля события с другим, для включения самой проблемы чувственности в онтологическую перспективу. Здесь прежде всего, в поле нашего внимания попадают работы М. Хайдеггера, Ж. Делеза, М.Фуко. Создавая парадигмальные для умственной культуры XX века системы переосмысления классического наследия, эти авторы

позволяют нам найти адекватные теоретические инструменты для раскрытия онтологического содержания проблемы чувственности и включения перспективы ее решения в магистральную линию западноевропейского мышления бытия.

Цель и задачи исследования

Цель настоящего исследования – выявить онтологическое содержание и социально-антропологические импликации проблемы чувственности в работах раннего Маркса. Более расширенно и уточнённо: выявить изначальное место и роль чувственности в социально-антропологическом проекте раннего Маркса, реконструировать и эксплицировать онтологические условия понимания проблемы чувственности и поисков ее решения; прояснить антропологические и социальные импликации проблемы чувственности.

Исходя из так сформулированной цели исследования, в нем ставятся и подлежат решению **следующие задачи:**

– Представить обзор основных точек зрения на статус марксистского проекта в современной философской литературе, формирующий контекст рассмотрения марксизма и позволяющий сосредоточить внимание нашего исследования на проблематике чувственности.

– Проследить генезис, форму и содержание изначального антропологического идеала, выраженного в юношеских произведениях К. Маркса.

– Реконструировать натуралистический смысл чувственности в ранних работах Маркса.

– Выявить и уточнить онтологическое содержание проблемы чувственности в контексте проекта ее восстановления.

– Описать характеристики чувственности применительно к возможным причинам ее блокировки.

– Определить основные пути возможного решения проблемы чувственности, опираясь на ее онтологическое содержание и задачу ее восстановления.

– Произвести последовательный анализ социального бытования чувственности, в горизонте таких категорий как эмансипация и со-бытие.

– Рассмотреть социально-антропологические импликации проблемы чувственности исходя из трактовки ее возможных решений.

– Представить возможные способы решения проблемы чувственности в их отношении к содержанию становления бытия и реализующиеся как социальные практики активизации и восстановления единства чувственности.

Научная новизна исследования

Проблематика чувственности у раннего Маркса рассмотрена прежде своих идеологических, экономико-социальных и политических коннотаций, в отношении своего изначального антропологического замысла.

Сопоставление марксовской модели человека и мира с эллинистической (уже, эпикурейской) доктриной позволило выявить в марксистском проекте реабилитации чувственности явный натуралистический аспект, неоднократно подчеркивавшийся самим Марксом и служащий ему, в конечном счете, критерием для формирования процедур соответствующей практики.

Проблема чувственности, сформулированная в ранних сочинениях Маркса, осмыслена в рамках магистральной европейской традиции истолкования бытия и включена в эту традицию.

Онтологические черты практики реабилитации чувственности продемонстрированы как неотъемлемые и смыслообразующие.

Интерес раннего Маркса к проблематике собственности и отчуждения рассмотрен со стороны проекта восстановления человеческой чувственности.

Условия и процедуры возможного решения проблемы чувственности представлены в горизонте познавательных усилий, направленных на восстановление целостности и полноты бытия.

Объект и предмет исследования

Объектом исследования является сформулированный в работах раннего Маркса проект социального преобразования, рассмотренный в отношении своей возможной онтологической экспликации.

Предметом данного исследования становится проблема чувственности, первоначально раскрываемая Марксом на страницах ранних сочинений, взятая в связи с его антропологическим идеалом и проектом переустройства общества. Уточненным в ходе исследования предметом нашего интереса становится

онтологическое содержание проблемы чувственности в работах раннего Маркса, раскрытое в своих экономических и социально-антропологических аспектах.

Методологическая и теоретическая основа исследования

В ходе исследования мы опирались на ряд апробированных в современном философском поле методологических схем:

Метод реконструкции был применен для выявления антропологического идеала у молодого Маркса.

Метод сравнительного анализа был введен для сопоставления марксистского понимания значения философии и задач философа в сравнении с гегелевскими.

Герменевтическим методом мы пользовались для уточнения той картины мира, в которой вызревали у раннего Маркса представления о проекте восстановления чувственности и его задачах.

К историко-философскому методу мы прибегали для перепрочтения текстов классической философии (Эпикура, Лукреция, Канта, и, собственно, Маркса) и сопоставления результатов между собой.

Текстологическим методом мы пользовались для реконструкции основных значений чувственности в текстах раннего Маркса.

В построении текста мы руководствовались принципом системности и принципом дополнительности аргументации, когда обоснование того или иного положения производится из нескольких (концептуальных и стилистических) позиций, создавая в результате «объемное», объективное, целостное представление о рассматриваемом феномене или явлении.

Положения, выносимые на защиту:

1. Реконструированный в ходе анализа ранних текстов К. Маркса идеал переустройства общества и индивидуальной человеческой субъективности реализовался в формулировке проблемы чувственности как ключевой при анализе единства человек-мир.

2. Проблема чувственности, представленная в работах раннего Маркса, содержит в качестве своей основы бессубъектную онтологию античного натурализма и эпикуреизма.

3. Собственность, стоимость, владение в концепции раннего Маркса рассматриваются как результаты блокировки и прерывания чувственного единства опыта.

4. Возможные решения проблемы чувственности, заявленной в работах раннего Маркса, имеют онтологическое содержание и лежат в плоскости восстановления единства бытия.

5. Социально-антропологические импликации проблемы чувственности предполагают переосмысление отношения к другому, категорий со-бытие, эмансипация, повторение.

6. Социальные практики восстановления чувственности обуславливают антропологические и понятийные трансформации в поле вариативности отношения индивида к своему опыту.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Теоретическая значимость исследования заключается в последовательном и концептуальном истолковании смысла и места чувственности, генеалогически обнаруженных и выявленных на основе работ раннего Маркса. Прослеживается преемственность так выявленного смысла проблемы чувственности во всех аспектах марксистского замысла: от имманентно-натуралистических до онтолого-антропологических и экономически-социальных сторон этого проекта. В работе заложены новые основания для исследования, как истории коммунистического проекта и проблемы чувственности, так и стержневой идеи реабилитации чувственности, благодаря онтологической переориентации в её понимании.

Проведенные в работе сопоставления и полученные выводы могут иметь практическое применение: служить знакомству идеологически и политически неангажированных исследователей с феноменом марксистски истолкованной чувственности, чем развивают предметное и междисциплинарное поле для подобного интереса. Изложенные в работе практические соображения и проведенные сопоставления марксистской практики с другими образцами познавательных практик, помогут найти более тонкие, не связанные с насилием, способы реализации проекта реабилитации чувственности.

Проведенное исследование позволяет по-иному взглянуть на опыт социалистического движения и повседневности в нашей стране, и за рубежом, в странах Восточной Европы. Оценить предпосылки и последствия краха коммунистической системы. Кроме того, результаты исследования могут быть использованы для разработки одноименного спецкурса для студентов специальности философия, углубить онтологическое понимание марксистской традиции и представлять существенный интерес в процессе изложения истории этой традиции.

Степень достоверности и апробация результатов исследования

Диссертационная работа была представлена к обсуждению на кафедре философии Тюменского государственного университета в декабре 2018 года, получила положительное заключение и была рекомендована к защите.

Основные положения работы представлены в 9 научных публикациях общим объемом 76 страниц (6 п.л.)

Структура и объем диссертации

Диссертационная работа состоит из введения, трех глав, десяти параграфов, заключения и библиографического списка. Диссертация изложена на 256 страницах. Библиографический список включает 348 источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается выбор и актуальность темы исследования, рассматривается степень научной разработанности проблемы, определяются основные цели и задачи исследования, представлена методическая основа исследования, формулируется научная новизна диссертации, говорится о теоретическом и практическом значении работы.

Глава первая: «Проблема чувственности у раннего Маркса: смысловая локализация». Речь в первой главе диссертации идет о понятии и смысле «чувственности», о том значении которое эта категория получила в раннем марксистском проекте. Детально разбирается, из каких составных частей и контекстов была сформирована та, проблематика чувственности, которая затем будет иметь ключевое значение для онтологической определенности марксистского

проекта. Главу предваряет общий обзор состояния ключевых точек в истории марксистской традиции, применительно к избранному ракурсу исследования.

В параграфе 1.1 «Ключевые подходы к истории вопроса» сделан обзор марксистской литературы по актуальной и близкой тематике. Таким образом, формируется герменевтический горизонт восприятия марксизма сегодня, заново переустанавливаются его узловые напряжения. Проанализированы точки зрения на проблемное поле исследования, сформированное в марксистской традиции. Последовательно изложены смысловые нюансы попыток реконструкции изначального смысла интенций философии Маркса, предпринятые в работах Д. Лукача, А. Грамши, Л. Альтюссера, Ж. Бодрийяра, Ж. Рансьера, А. Бадью, Э. Баллибара, Л. Болтански, Д. Бенсаида, Ж. Салема; а также отечественных исследователей – М. Мамардашвили и Э. Ильенкова. Дана панорама исследований в марксизме на рубеже XX-XXI вв., наиболее полно очерчены рамки проводимого нами исследования и его место в марксистской традиции.

В параграфе 1.2 «Исходная проблематизация чувственности» нами проведена реконструкция уточненного смысла проблемы чувственности у раннего Маркса, разъяснено, какую роль она играет и какое место занимает, какие значения имеет и в чем ее существенное значение для проекта социального преобразования, предлагаемого Марксом. Проблема чувственности видится исходя из греческой атомистики и задачи реабилитации обедненной потреблением чувственности. Последовательно проанализированы взаимосвязи и источники возникновения у раннего Маркса представлений о переустройстве общества. Реконструирован ранний антропологический идеал Маркса, выявлены его существенные черты: протестантская основа и эллинистическое дополнение. При обращении к «Экономическо-философским рукописям 1844 года» прослеживается корректировка понимания чувственности в связи с проблематикой отчуждения. Проблема чувственности начиная с этой работы Маркса трактуется как зауженность и обедненность включенности человека в единство человек-мир. Ставится задача реабилитации чувственности как ключевая для переосмысления онтологического единства человек-мир. Проблема чувственности мыслится как центральная: она позволяет сформулировать проект социального преобразования, в то же время –

закладывает основу для фундаментального переосмысления отношения человека к миру.

В параграфе 1.3 «Размежевание Маркса с гегельянством», проанализирована история взаимодействия марксистской философии с гегельянством, показаны причины расхождения в видении перспектив дальнейшего развития общества, роли философии в нем. Выявлены причины принципиального расхождения в трактовке и значении чувственности, учитывающие сформированное в контексте натуралистических доктрин античности ее перцептивное понимание. Мы применяем прием сопоставления трактовки гегельянства у А. Кожева и И. Ильина, разъясняем причины расхождения парадигм описания конкретности и ее роль в становлении соотношения чувственного и спекулятивного. На примере «Крейцнахских тетрадей» Маркса показаны причины критики ранним Марксом гегельянства. Как существенная причина размежевания Маркса с гегельянством названо сближение его с натуралистическими доктринами античности, определившая дальнейшую постановку марксизма на позиции материализма.

В результате проработки ранних текстов Маркса нам удалось выяснить, что античный натурализм явился базисом для определения чувственности как активной среды единства человек-мир. На основе такого определения чувственности Марксом был предпринят ряд шагов по дистанцированию от системы Гегеля для того, чтобы получить новый инструментарий в трактовке освобождения человека через разблокирование его чувственной природы. Мы выделили ряд характерных черт понимания чувственности в текстах раннего Маркса. Нам удалось показать, преемственность принципов социального преобразования от юношеского антропологического идеала раннего Маркса, через детальную историко-философскую проработку им в Докторской диссертации понятия чувственности и античного натурализма, вплоть до «Экономическо-философских рукописей 1844 г.», в которых проблема чувственности уже вводится в широкий онтологический горизонт через использование понятия отчуждение – трактуется как зауженность потреблением природного и социального единства человека и мира.

Итоги первой главы: Интерес Маркса к эллинистическим учениям является следствием его антропологического идеала и определяет в свою очередь

переосмысление им гегелевского наследия. Проблема чувственности, представленная в работах раннего Маркса, содержит в качестве своей основы бессубъектную онтологию античного натурализма и эпикуреизма. Реконструированный в ходе анализа ранних текстов К. Маркса идеал переустройства общества и индивидуальной человеческой субъективности реализовался в формулировке проблемы чувственности как ключевой при анализе единства человек-мир. Социально-антропологический проект раннего Маркса сформулирован через задачу освобождения человека путем реабилитации человеческой чувственности.

Глава вторая: «Онтологическое содержание проблемы чувственности».

Речь в этой центральной части работы идет о прояснении базовых параметров чувственности в ее онтологическом измерении. Дается обзор подходов к проблеме чувственности в ракурсе традиции истолкования бытия как единого, его тождественности себе в акте репрезентации и в стадиях становления. Исследуется вопрос об онтологическом статусе отчужденной чувственности. По-новому в этой связи проясняются значения привычных понятий «стоимость», «собственность» и ряда других. Намеченные решения проблемы чувственности позволяют трактовать включенность человека в переживание и осмысление мира исходя из идеи становления, акцидентальной неопределенности сущего, его вакантности и открытости.

В параграфе 2.1 «Текстологическая реконструкция значений "Sinnlichkeit"» проведен последовательный текстологический анализ значений «чувственности» в ранних текстах Маркса. Выявлены характерные особенности в трактовке чувственности и ее ближайшее понятийное окружение: прежде всего ее сенсуалистический перцептивный характер, и другие особенности, повлиявшие на переход Маркса на позиции материализма и по-новому объясняющие этот переход. Проанализирован ареал бытования понятия «чувственность» в связи с горизонтом опредмечивания, отражения, отчуждения. Сделаны выводы о сближении этого понятия с концепцией античных натуралистов и о влиянии такого рода сближений на уточненную формулировку проблемы чувственности. Чувственность берется со стороны перцептивности, мыслится как точность и определенность, сопрягается с

категорией смысла и имеет активный практический статус. В целом, понятие чувственности у Маркса достигает своей целостности, которая выражается в значениях включенность, перцептивность, социальность, целостность, активность. Влияние бессубъектной онтологии античных натуралистов сказывается и на уровне смысловой определенности понятия *Sinnlichkeit*, что закладывает понятийный базис для потоковой трактовки чувственности исходя из категории становления и учитывая динамический познавательный характер человеческого присутствия.

В параграфе 2.2 «Причины блокировки чувственности» речь идет об исследовании возникновения таких феноменов как владение и собственность через призму трансформации чувственной природы человека. Начиная с пристального внимания, которое уделяет Маркс в своих текстах анализу собственности и перипетиям владения и использования, мы переходим к анализу негативных трансформаций чувственности. В параграфе раскрыто содержание форм владения исходя из противопоставления живого и неживого. Осуществляется исследование искаженной чувственности, через марксистское обращение к феномену собственности. Парадоксальным образом получается, что процедуры формирования владения не укрупняют и достраивают нашу включенность в мир, а напротив, для того, чтобы поставить владение на поток, человеческое общество изобретает и постоянно поддерживает процедуры, разрывающие живую органическую ткань мира. Эти процедуры закрепляются в дискурсивных практиках и в юридических установлениях. Проблема чувственности выявлена исходя из возникновения разрывов и блокировок во включенности человека в мир, представлена как следствие разрывов в живом и целостном потоке бытия. Ключевой здесь вопрос о собственности показывает, что путь от живого к неживому лежит через овеществление как разрывание чувственной ткани природы. Управляющий таким овеществлением корыстный интерес, с позиций гносеологической чистоты есть слепота и обеднение чувственности. Соответственно, что критика корыстного овеществления становится у Маркса в марксистской перспективе критикой деградации чувственности, противодействующей закреплению человека и узурпации власти над миром живого со стороны капитала. Собственность формируется не из вещей, а из разрывов в чувственности. Именно процедуры блокировки и сегментации чувств

позволяют сформировать тело капитала. В этом смысле, история капитализирования повторяется многократно вновь и вновь, а процедуры блокировки чувств поддерживаются государственными институтами, и являются главным их производным. Тело капитала ткется из чувств, формируется благодаря владению, устанавливается с помощью разрывов потоковых форм чувственности. С точки зрения проблемы чувственности, такие классические категории марксистской парадигмы как собственность и владение раскрывают свой смысл как разрывы чувственности и как случаи ее блокировки, непосредственно в связи с ее онтологическим статусом.

В параграфе 2.3 «Эпифеномены разрыва: частичность, множественность», детально рассматривается онтологическая основа возникновения разрывов в чувственности. На примере сопоставления анализа сущности денег с натуралистическим истолкованием чувственности выявляются две производных обеднения чувственности, понятой как разрыв и прерывание. С одной стороны, это частичность, как принцип трактовки и объяснения явлений, взятая со своей гносеологической стороны, с другой стороны – множественность как многомерность и вакантность для самого бытия. Капиталистическая обедненная чувственность вырастает из претензии на всеохватность, на формулировку тотального объяснения явления и закона как его мерила, верного для всех случаев. В то время как натуралистически понятая чувственность располагает более гибкими механизмами частичности объяснения, которые не позволяют нам отрываться от данных непосредственных претерпеваний, и поэтому сохраняет гносеологическую достоверность. Множественность трактовок того или иного явления способствует его адекватному усвоению и переживанию, оставляя вакантное поле для чувственного взаимодействия с явлением, а не простое сведение его к знаковому эквиваленту и в конечном счете, к его огрубленной стоимостной форме.

Перенастройка чувственности на частичность и достоверность истолкования опыта, на восстановление живой органической связи с потоками восприятия вещей и деятельности не может быть в свою очередь окончательной, это фундаментальное упражнение – это проясняющий праксис, практикум по чуткому уточнению взаимодействий, эффектов и траекторий оценки чувств. Мгновенное и здоровое

реагирование в опыте чувств на происходящие явления мира в своей утонченности доступно не всегда и не для всех, для своего закрепления в качестве стабильного региона опыта, оно требует глубокой социальной трансформации.

В параграфе 2.4 «Возможности онтологического решения проблемы чувственности» наше рассмотрение проблемы чувственности обретает положительное измерение. Перенастройка чувственного опыта позволяет нам усмотреть включенность концепции раннего Маркса в широкую онтологическую перспективу, направленную на активизацию опыта бытия. Для разработки этого горизонта проблемы чувственности мы привлекаем практики активизации опыта, проработанные в методологии Мишеля Фуко и Пьера Адо. Онтологическое содержание проблемы чувственности у раннего Маркса сближается с опытом конверсии и микрополитиками себя как практиками субъективации. Мы акцентируем внимание на преодолении ограничений, связанных с индивидуализирующим опытом в методологии Мишеля Фуко и практическим измерением философской работы, положенным в основу описания процедур переосмысления отношения к миру в практиках конверсии.

Проблема чувственности, представленная как обеднение чувств при доминировании собственнического отношения к миру, обнаруживает свое возможное онтологическое решение. Для реализации такого решения необходима практика чувств, разворачивающаяся в поле бессубъектной онтологии и направленная на удержание становления бытия. Работа в этом слое опыта немислима без использования некоторых познавательных практик, направленных на преодоление акцидентальной связанности собственного бытия. Однако, несмотря на существование позитивных онтологических решений проблемы чувственности, собственно реабилитации чувственности предполагает введение проблемы чувственности в слой социальных импликаций. Тот способ, каким реализуется повседневное функционирование чувственности, определяет стабильность и разнообразие стратегий ее освобождения. Восстановление «живой органической ткани» чувств реализуется в качестве действия, пусть даже чисто перцептивного, именно в слое взаимоотношений в социуме, находя там и препятствия, и спасительные ходы, для того, чтобы мы смогли вновь отыскать ту возможность

человеческого сосуществования, которая ранним Марксом изначально ставилась как задача.

Итоги второй главы: Натуралистическая трактовка проблемы чувственности вводит Маркса в круг авторов фундаментальной европейской онтологической традиции от Парменида и Эпикура до Хайдеггера, Деррида и Делёза. Задача реабилитации человеческой чувственности предполагает снятие акцидентальной укорененности человека в сущем в пользу становления – непрерывного обновления всего предметного человеческого мира. Собственность, стоимость, владение рассматриваются как результаты блокировки и прерывания чувственного единства опыта. Размышления раннего Маркса о стоимости и владении введены в контекст натуралистического противопоставления живого и неживого в его отношении к заблокированной потреблением человеческой чувственности. Возможное решение проблемы чувственности имеет онтологическое содержание и должно быть усмотрено исходя из познавательной практики восстановления единства человека и мира, реализующейся через переосмысление и конверсию опыта.

Глава третья: «Социальное измерение проблемы чувственности» – результирующая часть исследования, в которой обозначены и исследованы социальные практики реабилитации чувственности. Прописаны социальные импликации онтологических решений проблемы чувственности, предложенных в главе второй. Необходимым условием, уравнивающим рассмотрение онтологического статуса проблемы чувственности, становится обозначение модусов совместности и со-присутствия, высвобождающих потоковый характер чувственности с тем, чтобы вновь включить ее в разомкнутое совместным существованием социальное бытие.

В параграфе 3.1 «Ранний Маркс о стадиях эмансипации» прослеживается функционирование категории «эмансипация» как ключевой для последовательного преодоления акцидентальной связанности практик субъективации, и самого сущностного единства человек-мир. Работа механизма эмансипации рассматривается как постадийное снятие отчужденной укорененности человеческого понимания в узких предметных границах. Определенность индивидуального бытия установлениями общества и государства под видом прав

предлагает ограничения, под видом свободы индивида предлагает войну всех против всех. Последовательное использование механизма эмансипации приводит к разблокированию индивидуальной человеческой идентичности, к созданию вакантной для осмысления зоны собственного, как не определенного предметностью, но ориентированного становлением. Последовательное раскрепощение индивида от чуждых идеологических, социальных и познавательных идентификаций в своей интенции имеет существенную антропологическую трансформацию индивида и всех социальных связей, в которые он включен.

Параграф 3.2 «Совместное бытие и идеал чувственности» продолжает размышления о снятии индивидуальной ограниченности человеческого бытия, теперь уже со стороны категории со-бытия и анализа практик совместности. Дан последовательный анализ Хайдеггеровской категории *Mitsein* и выявлены источники формирования определенности со-бытия в русле индивидуальной ограниченности. Проанализирована роль, которую играет категория «озабоченности» *Fürsorge* в формировании базовых модусов отношения к другому. Хайдеггер четко фиксирует задачу преодоления отношения к другому как к вещи, пусть даже к мыслящей вещи (повседневные модусы присутствия других). Вместе с тем, при описании категории *Das Man* экзистенциальная аналитика указывает на других как на угрозу индивидуальному существованию, как на опасность захваченности присутствия другими. По сути оказывается, что если мы остаемся замкнуты в границах индивидуального существования, мы либо оказываемся захвачены опытом другого, либо крайне дистанцируемся от него – ни то, ни другое отношение не позволяет нам решить проблему чувственности, опять же работая на её заужение. В противоположность и в продолжение хайдеггеровского анализа со-бытия нами предлагаются практики переосмысления индивидуальной идентичности в горизонте восприятия другого (и опыта возможного другого) как разомкнутой идентичности. Речь идет о двойном экстазе со-бытия, как в направлении индивидуального бытийного усилия, так и в направлении взаимодействия с другим. Мое индивидуальное бытие собирается перед лицом другого, происходит взаимное становление моего индивидуального опыта и опыта другого в горизонте первичной социализации.

В параграфе 3.3 «Социальные практики возобновления чувственности»

предлагается обзор социальных практик решения проблемы чувственности. Возможные формы решения задачи реабилитации чувственности рассмотрены в поле литературной утопии Андрея Платонова и экзистенциального опыта повторения в изложении Серена Кьеркегора. Нами описаны характерные черты разомкнутой чувственности, выделены социальные практики, сопутствующие решению проблемы чувственности. Опыт революционной коммуны представлен с позиций существования регионов неприватизируемой чувственности и со стороны перестановок совместного в разделенном опыте коммунаров. Практиками оживления и реабилитации чувственности служат здесь смещения значения устоявшихся терминов, практики экстерриториальности, практики перцептивного взаимодействия с миром, восстанавливающие единство опыта. Практики социального бытия, осмысленные Платоновым, продолжают марксистскую проработку проблемы чувственности. Речь уже идет о коллективной чувственности коммунаров, применительно к широкому набору революционных социальных взаимодействий. На примере литературной интервенции в опыт реабилитированной чувственности, предложенный Платоновым, нам становятся очевидными как определенные практические механизмы освобождения чувственности, так и ее утопические ограничения.

В заключительной части параграфа нами проанализирован опыт повторения у С. Кьеркегора как практика активизации чувственности. Осмысленные в экзистентном ключе, практики повторения предыдущего опыта, адресуют к определенной форме чувственного производства, ставящего для индивида целостные перцептивные задачи. В случае практики повторения нами выявляются базовые практики опыта фланера, как пути достижения вакантности и открытости опыта мира. В гносеологическом ключе проанализирована размытость и приблизительность восприятия вещей как основа для опыта совпадения и повторения. Размытость и вакантность рассмотрена с точки зрения генетической концепции опыта И. Канта, выявлены позитивные взаимодействия на гносеологическом уровне, позволяющие мыслить опыт повторения как положительную практику доразвития перцептивного поля в горизонте

социальности. Фланерская активность работает на социальном и на гносеологическом уровнях как практика активизации чувственности.

Итоги третьей главы: Социально-антропологические импликации проблемы чувственности предполагают переосмысление отношения к другому, категорий со-бытия, эмансипация, повторение. Снятие акцидентальной определенности человеческого бытия проанализировано исходя из стадий освобождения чувственности человека, выраженных через понятие «эмансипации» и со стороны стадий эмансипации. Возможное решение проблемы чувственности как проекта реального со-бытия, предполагает двойную открытость: как в отношении другого, так и в отношении собственного бытия. Преодоление частичной идентификации субъекта в пользу разомкнутости его отношения к другому. Социальные практики восстановления чувственности обуславливают антропологические и понятийные трансформации в поле вариативности отношения индивида к своему опыту. Нами раскрыты как натуралистические основы чувственности, так и позитивные возможности ее переконфигурации. Рассмотренные практики восстановления чувственности работают как социально-антропологические импликации, реализующие онтологическое содержание проблемы чувственности.

В заключении работы подводятся общие итоги диссертационного исследования, сформулированы полученные результаты, намечены основные направления и перспективы дальнейшей работы. Выявленные онтологические смыслы проблемы чувственности получают дальнейшее развитие в горизонте бессубъектных онтологий. Проработанная в нашем исследовании проблематика включена в современные течения в социальных и философских науках.

В библиографическом списке приведены источники, использованные при написании диссертации.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ

В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ АВТОРА:

Публикации в изданиях, включенных в список ВАК:

1. Преображенский Г. М. Маркс и линия среднего. // Вестник Томского государственного университета. Вып. 302. серия. Философия. – Томск, 2007, С. 48-53. – 0,5 п.л.

2. Преображенский Г. М. Лес живой и мертвый: вопрос о собственности в ранних сочинениях К. Маркса. // Вестник РГГУ, Серия «Философия. Социология» № 12/09. – М.: Издательский центр РГГУ, 2009. С. 28-36. – 0,8 п.л.

3. Преображенский Г. М. Лев Шестов и Э. Гуссерль о задачах философии. // Вестник Пермского университета. Вып. 2 (14) Серия "Философия. Психология. Социология". – Пермь, Изд-во Пермского университета, 2013. С. 15 – 25. – 1,0 п.л.

4. Преображенский Г. М. Проблема плотности знания в работах А. К. Сухотина: история вопроса и его репозиционирование. // Вестник науки Сибири. 2018 № 2 (29) – Томск, 2018. С. 133 – 149. – 1,0 п.л.

5. Преображенский Г. М. Старикова Е. В. Поэзия "прозы труда": научная организация труда А. К. Гастева и ее место в контексте современной теории управления. // Вестник науки Сибири. 2018. № 3 (30) – Томск, 2018. С. 83 – 93. – 1,0 п.л.

Монографии автора, связанные с тематикой диссертации:

6. Преображенский Г. М. Смысл коммунизма. Опыт ретроспективного исследования. – СПб., Алетейя, 2011, – 224 с. ISBN: 978-5-91419-446-5.

7. Преображенский Г. М. Этика разделенного опыта. – СПб., Алетейя, 2014, – 220 с. ISBN: 978-5-91419-738-1

Публикации в других научных изданиях:

8. Преображенский Г. М. Коммунизм, каким я его помню. Поколение 80-х и современность. \\ Философия и будущее цивилизации: тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса. Т. 3 – М.: Современные тетради, 2005, С. 626-628. – 0,2 п.л.

9. Преображенский Г. М. О понятии «эмансипация» в ранних работах К. Маркса. // Граждано́генез в России: [сборник статей]. – Брянск: Курсив, Кн. 1. – 2009. – 335 с. – 1,0 п.л.

10. Преображенский Г. М. Ранний Маркс и греческая атомистика. // Россия сегодня: Гуманизация социально-экономических отношений. VI Марксовские чтения. Материалы международной научно-практической конференции. – Нижневартовск, Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та. 2008. С. 71-75. – 0,4 п.л.

11. Преображенский Г. М. Глобальный интерфейс стоимости // Збірник наукових праць II Всеукраїнської науково-практичної конференції студентів, аспірантів та науковців «Фінансово-економічні проблеми розвитку України в умовах ринку». - Рівне: РІ ВМУРОЛ "Україна", 2009 р. – 0,5 п.л.

Работы по марксизму, выполненные автором в качестве эксперта:

12. Маркс К. Капитал. (редактор и составитель) – СПб, Лениздат, 2013, 512 с. - EAN (ISBN) 9785445304296. Второе издание: СПб, Лениздат, 2018 г. – ISBN: 978-5-9909926-7-2.

13. Энгельс Ф. Книга Откровения. Энгельс без Маркса. (предисловие, составление, комментарии, указатели) – СПб.: Издательская группа «Лениздат», «Книжная лаборатория», 2018. – 368 с. – ISBN 978-5-9500431-6-1.

Подписано в печать 13.03.2019 Формат 60x84/16

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 1

Тираж 120 экз. Заказ 105

Отпечатано в типографии «Адмирал»
199178, Санкт-Петербург, В.О., 7-я линия, д. 84 А